

ОПЫТ ОТУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ ОТ ПИЩИ

Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и — лайай!²⁵
Тредьяковский.

ОТЧЕГО ИНОГДА ЛЮДИ МРУТ, КАК МУХИ?

В. А. Кокорев уверяет, будто оттого, что телеграфы не везде существуют. Да притом, прибавляет он, как же не умирать людям, которых не кормят по нескольку дней, привозят и пускают в голую, бесплодную степь, без хлеба, без всяких запасов, на 40° жару, не заготовивши им никаких помещений, пославши с ними ни лекаря, ни медикаментов... Как тут не умереть человеку?..

Правда, совершенная правда! Как тут не умереть человеку? И дивиться нечего: дело совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбежное... Напротив, удивительно было бы, если бы при таких условиях не умирали люди, — хотя бы даже и телеграфы были повсюду: ибо известно, что медики, лекарства, хлеб и помещения — по телеграфу не пересылаются...

117

Но скажите, пожалуйста, где же это подвергают людей таким отчаянным пыткам, такой ужасной смерти? На чье это жестокосердие и зверство нападает г. Кокорев с обычным своим практическим смыслом? Какому варвару доказывает он, что болезни и смертность составляют необходимое последствие безумных и ужасных распоряжений, им перечисленных?

Погодите, господа, приходите в ужас: никакого варвара и злодея тут нет, а просто г. Кокорев совершает похвальный акт *самообличения и покаяния*. Благоразумные распоряжения, произведшие в целой массе рабочих людей болезни и смертность, совершились в обществе Волжско–донской железной дороги, которого г. Кокорев был учредителем, и в распоряжениях этих он признает себя значительно повинным. История всего дела довольно длинна, но мы попробуем рассказать ее с некоторою подробностью и в заключение прибавим новые сведения по делу рабочих Волжско–донской железной дороги, следовавшие уже после покаяния г. Кокорева.

Известно, что общество Волжско–донской дороги открылось в декабре 1858 года и в первом же собрании своем заявило себя речами, полными любви к русскому человеку. Так, г. Кокорев сказал речь, в которой между прочим провозгласил:

«Мы желали заказать пароходы для Дона в России, чтобы выпискою из–за границы не причинять себе гражданского стыда, но по неимению у нас в достаточном количестве механических заведений должны были, из желания ускорить плавание по Дону, обратиться к заводчикам на Дунае. Не будем скрывать того, что это обстоятельство пробуждает во всех нас (то есть в ком же именно?) чувство стыда, и чем глубже его сознание, тем вернее в нем кроется сила грядущего обновления» («Моск. вед.», 1859 г., № 3).

Вот патриотизм–то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало хочется ему иметь пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, *неимение* у нас механических заведений заставляет его обратиться за границу... А то бы он, во славу патриотизма, непременно где–нибудь у себя заказал... Вот что значит иметь

высшие соображения в коммерческом деле: не ищи, где бы купить лучше и дешевле, а думай о том, чтобы покупка в известном месте не навлекла «гражданского стыда» на любезное отечество!..

И видно, что общество вполне прониклось патриотизмом г. Кокорева, только повернуло его немножко в другую сторону. Не имея возможности похвастаться пред иностранцами своими механическими заведениями, оно решило, как видно, щегольнуть нашим национальным богатством. Этим, конечно, и объясняется, что (по сведениям правления общества, в «СПб. вед.», 1859 г., № 257) пароходы, заказанные для донского пароходства на заводе Лерда, обходятся обществу в 750—800 рублей за силу, тогда как мы в акционерной полемике последнего времени привыкли постоянно встречать цифру 400—500 р. за пароходную силу. Да еще прибавьте к этому, что и заказы—то были вовсе не нужны и что они, как и дунайские заказы, сделаны были еще тогда, когда только что предполагалось приступить к исследованиям о плавании по Дону и когда еще были одни смутные предчувствия о необходимости очистки донских гирл... Все это произведено было силою патриотических стремлений...

Но заказы пароходов, как и вся «искусственная» часть дела, до нас с г. Кокоревым не относятся, и потому оставим их в стороне. Гораздо ближе нашему сердцу речь г. Погодина, который говорит без обиняков: люблю русского человека за то, что в нем много доверчивости, без которой нам всем пришлось бы положить зубы на

полку... Речь эта — о важности доверия²⁶ — до сих пор еще не оценена по достоинству; а между тем она есть такой памятник нашего ораторского искусства, который в будущем издании Хрестоматии г. Галахова должен блистательно заменить речь г. Морошкина²⁷ о том, что наше «уложение» есть «результат всемирного стремления народов к единству». По мнению г. Погодина, все должно быть основано на «доверии особого высшего рода», все должно делаться «*по душе*» — то есть надо верить всему, что объявят те, у кого в руках дело.

Отчетов никаких не нужно, уверяет г. Погодин, ибо где отчетность, там по большей части и неправда... Отчетность и хороша, проговаривается он при этом, но *по-нашему* (то есть г. Погодина — с кем еще?) *характеру* имеет свои неудобства и невыгодные стороны... Поэтому, говорит, лучше нам не отдавать никаких отчетов... то есть нет... он сказал: лучше нам *не требовать* никаких отчетов и предаться вполне в руки учредителей. Вот теперь нам нужно, говорит, директоров выбирать; но что мы тут смыслим, кого выберем? Напутаем только. Нет, поклонимся—ко лучше учредителям, да попросим их сказать нам, кого надо назначить директорами. Так оно и будет, как они решат. «Мне кажется, — уверял маститый профессор, — что лучше всего мы соблюдем наши выгоды, сказав нашим учредителям с их будущими директорами, как говаривали наши деды: если вы не оправдаете нашей доверенности, *если вы нас обманете, то вам будет стыдно... И если они нас обманут, то им будет стыдно*».

Все это, как видите, говорилось во имя русской народности, в видах уважения к отцам и дедам, в уверенности насчет высоких, сердечных качеств русского человека. Представителем русских людей был

в числе учредителей г. Кокорев; к нему тотчас и обратились с предложением директорства. Но он, «по многосложности своих занятий», отказался от этого звания; тогда избрали его почетным членом правления. С избранием его для общества обеспечивалось присутствие русского элемента в деле, обеспечивалась, кроме того, *полная и безусловная*, гласность, которой так ревностно служит г. Кокорев. Так г. Кокорев и говорил в собрании акционеров: «Поведем это дело не по одним только форменным колеям, а при содействии *спасительной гласности, по широкой дороге современного и истинного человеческого взгляда на общественные нужды*».

Поговоривши таким образом, начали дело. В первые месяцы все было хорошо. Никто ничего не говорил против общества; к спасительной гласности не прибегал даже г. Кокорев, не ранее, как в конце ноября объявивший в «Русском вестнике» (№ 21), каково было истинное положение дела при его начале. При открытии общества он вместе с профессором Погодиным все восхищался тем, что акции общества разобраны, несмотря на соперничество *гарантированных* акций Главного Общества Русских железных дорог. В ноябре г. Кокорев пропечатал, что к открытию Волжско–донского общества акций было разобрано только две трети, остальную же *треть*, т. е.

более чем на 2 ½ миллиона рублей, г. Кокорев взял на себя и на своих знакомых — *единственно по необходимости, чтобы предприятие могло состояться*. Если так, то позволительно усомниться в

основательности восторгов, с которыми в декабре 1858 г. гг. Кокорев и Погодин отзывались об успешном расходе акций: ясно, что все дело устроено было единственно пособием г. Кокорева, который одушевлен был в этом случае, как и всегда, любовью к делу, к *национальной* пользе предприятия, а никак не расчетами собственных выгод. Недаром же его и директором выбирали, и почетным членом правления избрали!..

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое бескорыстное дело в дурную сторону. Так и здесь: нашлись господа, утверждавшие, что акции шли вовсе не так плохо и что заботливость г. Кокорева об устройстве дела была уже слишком предупредительна. Поэтому, по собственным словам гласнолюбивого г. Кокорева, *«многие укоряли его за то, что он оставил за собой много акций, и даже видели в этом действии, лишившее других возможности получить акции»*. Но давно уже известно, что г. Кокорев все побеждает своим великодушием: на эти укоры (раздававшиеся, вероятно, в конце 1858 и в начале 1859 года), он торжественно отвечал в 21 № «Русского вестника», вышедшем 29 ноября 1859 года (т. е. когда уже видно стало, что дело ведется очень плохо, и когда акции стали обещать явный убыток). Отвечал он следующим аргументом: *«Я уже сказал, что такую громаду акций я оставил за собою по необходимости, и действительность этого могу подтвердить тем, что я готов половину из них передать желающим, когда угодно»*. Объявление это, при всем своем великодушии, могло показаться несколько поздним, и потому г. Кокорев удостоил даже войти в объяснение о том, что *теперь* (в конце ноября 1859 г.) акции *интереснее*, чем год тому назад, ибо предприятие уже приблизилось к открытию дороги, а с первым

свистком на ней (не о нашем ли «Свистке» думал г. Кокорев?) употребленный на акции капитал будет приносить уже сбор денег». Из всего этого очевидно следовало, что ежели В. А. Кокорев и решается продавать свои акции, то единственно по гуманности своей натуры, по состраданию к *меньшим братьям* (*по карману, кто-то выразился*), которым тоже хочет предоставить участие в выгодах, приходящихся на долю его, г. Кокорева!..

Последствия не оправдали гуманных надежд г. Кокорева: с начала нынешнего года акции быстро падали, и теперь публикуются 75 рублей ниже пари; но и за эту цену никто не берет их. Дошло до того, что в общем собрании общества, бывшем в конце апреля, положено ограничить цену акций вместо предположенных 500 только четырьмястами рублей («СПб. в.», № 95), — и все-таки владельцы акций не знают, куда деваться с ними. Но этих позднейших фактов, конечно, не предвидел г. Кокорев: иначе он, вероятно, не стал бы предлагать так любезно свое великодушие, которое, может быть, и увлекло кого-нибудь, и обошлось не дешево тому, кто имел неблагоприятное им воспользоваться...

Это одна сторона гуманности и гласнолюбия г. Кокорева в деле построения Волжско-донской железной дороги. Но есть еще другая, за которую давно уже следили мы и о которой только теперь решаемся рассказать, так как дело уже несколько разъяснено разными статьями, появившимися на

этот счет в последнее время в газетах. Эта другая сторона уже не в отношении г. Кокорева к образованной публике, а в деле с рабочими. Трагическая сторона этого дела должна бы даже не позволить ему быть в «Свистке»; но «Свисток» на этот раз берется только указать все шарлатанство, которым обставлена была трагедия с рабочими, и уступает внутреннему обозрению «Современника» серьезную сторону этой истории.

Посреди всеобщего благожелательства к предприятию Волжско–донской дороги вдруг в мае прошлого года появилась в «Самарских ведомостях» статейка под названием: «Небывалое возмущение». Статейка эта была потом перепечатана в «Русском дневнике» (№ 109), и потому, может быть, читатели помнят ее. Но мы все–таки сделаем из нее небольшую выдержку, чтобы удобнее было сличать последующие показания. Вот существенная часть статьи:

«Накануне 28 числа апреля прибыл в Самару сверху пароход соединенного общества *«Кавказ и Меркурий»*²⁸, «Адашев», буксировавший на трех баржах склад лесного материала, принадлежностей для производства земляных работ по устройству железной дороги между Волгою и Доном, как–то: тачек, чугунных колес и проч., и до 2000 человек рабочих, которые размещались на палубе. Оставив баржи с рабочими людьми в виду города, на середине реки, пароход причалил к пристани, запасся дровами, принял пассажиров и в тот же день вечером отправился, чтобы принять баржи и следовать далее. Но на другой день, 29–го числа, в 6 часов утра командир парохода «Адашев» барон Медем явился к здешнему губернатору и объявил, что означенные работники взбунтовались, не дают подымать якорей, потому будто бы, что их не спускают на берег, где они

хотят пьянствовать. Поэтому просил наказать более виновных зачинщиков. Его сопровождал приказчик купца Гладина, молоденький мужчина, с тем оттенком в физиономии, которую обычно привыкли называть плутовскою. Разумеется, этому последнему предложен был вопрос, нет ли другой причины сопротивления крестьян и достаточно ли он их содержит? На что приказчик отвечал, что он дает им хлеба по 4 ф. на человека в сутки. Необходимо было удостовериться и разобраться, в чем дело; для этого отправлен был из города полициймейстер с городским ратманом и козаками. Эти лица нашли на трех баржах, как мы уже казали, до 2 тысяч человек, размещенных на палубах; это были крестьяне разных ведомств, набранные в разных местностях и посаженные на баржи в разных пристанях Волги: у них не было образовано ни артелей, ни избрано десятников, одним словом все было предоставлено произволу наемных приказчиков, привыкших к известному обращению с народом. Рабочие о неповиновения командиру объявили посланным, что нанимавший их для работ на железной дороге поверенный купца Гладина *Иван Головкин* говорил им при найме, что переезд их до Царицына будет продолжаться до 15 апреля, а с этого дня будут получать жалованье. *Во время пути он обязался давать им в пищу черный хлеб с постным маслом и солью, при остановках же в городах покупать ситный хлеб.* Так он исполнял условие до Самары. Когда же хотели отчалить от здешнего города, рабочие объявили командиру, что *они не пойдут до того времени, пока подрядчик не выполнит условия, и что если им дан хлеб, то без масла и соли, притом негодный, подернувшийся*

плесенью и черствый. *Хлеб найден, действительно, такой, как показывали рабочие; он куплен был приказчиком за шесть дней в Нижнем, тогда как можно было застать более свежим в Казани и других городах. Посланные лица нашли между тем под замком склад весьма хорошего хлеба, и приказчику приказано было тут же удовлетворить справедливую жалобу рабочих — купить масло и соль, выдать свежий хлеб, а испорченный вернуть.* Само собою, жаловавшиеся, видя удовлетворение своему делу, нимало не медля согласились продолжать путь и тотчас отчалили. Но этим не ограничивались притеснения со стороны приказчиков. Крестьяне объявили еще полицеймейстеру, что они просили спустить на берег хотя одного из них для покупки табаку; но приказчики и этого им не позволяли, желая, чтобы рабочие покупали табак у них по дорогой цене. Так иногда, не разобрав дело, можно дать ему совершенно иной вид. В настоящем случае речь шла о возмущении и о наказании виновных; а оказалось, что не было и тени возмущения».

В этом известии не только не упомянуто имя г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится против общества Волжско–донской дороги, а только рассказывается поведение приказчика купца Гладина. Но г. Кокорев, прочитав самарское известие, немедленно воспылил любовью к гласности и напечатал в «Московских ведомостях» (№ 132) горячее послание. Мы приведем и это послание, но прежде спросим читателей: как же они понимают сущность дела, изложенного в «Самарских ведомостях»? Нам кажется, что тут разногласий быть не может: рабочим назначен был черный хлеб с солью и постным маслом; и того им

не давали: масла и соли вовсе не было, хлеб же был негодный, до того залежавшийся, что покрылся плесенью. Рабочие хотели курить, им и этого не дали. Вообще приказчики были так грубы и бессмысленны, что при первом удобном случае решились даже обвинить рабочих в бунте, зная, без сомнения, чему обвиненные за это могут подвергнуться и какой ущерб подобная история может сделать самым работам, на которые везли этих людей... Все это ясно из самарского описания; но посмотрите, как на это смотрит и что из этого делает г. Кокорев. Вот его документец:

«В № 109 «Русского дневника» заимствовано известие из «Самарских губернских ведомостей» о том, что плывшие мимо Самары рабочие на Волжско–донскую железную дорогу *не получили в Самаре мягкого ситного хлеба (!!?)*, что им *предлагали в пищу хлеб черствый и только черный (!!)* и что во всем этом уличен на месте приказчик подрядчика Гладина, взявшего на себя земляные работы на железной дороге.

По причине означенного известия *сразу чувствуется прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцию «Самарских губернских ведомостей»*. Без гласности когда бы мы узнали о том, что рабочие люди, эти двигатели всякого устройства, так плохо содержались во время пути? Если бы у них и был хороший ситный хлеб, то и этого недостаточно. Разве можно рабочего, едущего на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную) кормить одним хлебом? Нужно иметь мясо и кашу. Я никак не ожидал, чтобы подрядчик, известный, по отзывам рабочих, приготовлением хорошей пищи для них, мог так дурно содержать людей в пути. Я буду очень рад, если гласность, не ограничиваясь надзором за путевым содержанием рабочих,

распространит свое наблюдение и на места работ. Всякий голос, который раздается с места о пище и жилищах рабочих и о медицинских пособиях им, принесет свою пользу не только обществу Волжско-донской железной дороги, но и вообще русской жизни.

Основывая мое понятие о Гладине на хорошем отзыве о нем рабочего сословия, я хлопотал о том, чтобы подряд остался за ним, даже против цен, выпрошенных другими подрядчиками. Не понимаю, как могло случиться, что рабочиеплыли без мясной пищи. Я ставлю в вину не одно неимение свежего хлеба, но и неимение мяса. Подрядчик Гладин должен объяснить публике свой поступок, а приказчика, провожавшего партию рабочих и не заботившегося, об их продовольствии, уволить. Фамилия его должна быть печатно объявлена, чтобы всякий знал, как называется тот человек, который в состоянии держать на одном черстве хлеба своих собратий.

Состоящее в Петербурге правление Волжско-донского общества, вероятно, выведет наружу все подробности этого дела и огласит их печатно, с показанием виновных. Я пишу эти строки в Москве, а потому не могу сказать наверное, что предпринято правлением. По получении мною сведения о фамилии виновного приказчика я пришлю дополнение к этой статье в «Московские ведомости».

Письмо это, как видите, написано через месяц после происшествия. Как почетный член правления, как любитель русского человека г. Кокорев не должен был целый месяц оставаться в неведении о таком вопиющем

деле. Посторонние люди, как, напр., редакция «Русского дневника», успели разузнать о деле из местных известий и заинтересовались им: как же г. Кокореву не следить было за делом, которое, как оказывается, им же и было устроено, потому что *он хлопотал*, чтобы подряд остался за Гладиным, *даже против цен* выпрошенных другими подрядчиками!.. Но положим, г. Кокорев, «*по многосложности своих занятий*», мог выпустить из виду ход устроенного им подряда... Он же так надеялся на подрядчика Гладина... Но чем объяснить ту невнимательность, с которой прочитал он самарское известие? От чего могло зависеть странное извращение фактов и понятий, находимое нами в письме г. Кокорева? По его словам, самое ужасное во всей истории было то, что рабочие в Самаре (заметьте, не на дороге, а только в Самаре) *не получили мягкого ситного хлеба*. Не правда ли, как это *мягко*? Не мудрено, что прибравши такую фразу для выражения мысли о том, что рабочих дорогою *кормили гнилым хлебом, не давая к нему даже соли и масла*, — не мудрено, что г. Кокорев «*сразу почувствовал прямую пользу гласности*». В «Самарские—то ведомости» и «Русский дневник» кто—то еще заглянет; а в «Московских ведомостях» в письме с подписью г. Кокорева прочтет и подивится гуманности этого человека, возмущенного тем, что рабочие получили в Самаре не совсем мягкий хлеб... Но это еще ничего не значит — г. Кокорев приходит в пафос и требует для рабочих *мяса и каши*, прибавляя, что рабочие суть «двигатели всякого устройства». Как жаль, что этот пафос не снизошел на г. Кокорева несколькими месяцами раньше: тогда бы он, может быть, возымел практические последствия. А то ведь письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже все рабочие были

переправлены, следовательно, можно было требовать, чтоб рабочих кормили

123

в дороге дичью, трюфелями, посылали им обеды от Дюссо²⁹, с рейнвейном и шампанским: все это ровно ничего уже не стоило и, главное, рабочим—то от этого не было ни сыто, ни голодно.

Далее г. Кокорев энергически требует объявления имени приказчика, «чтобы всякий знал, как называется человек, который в состоянии держать на одном черством хлебе своих собратий». Опять та же *мягкость* словесная: главное, видите ли, в черствости хлеба, а гнилость его, а то, что даже масло и соль не выдавались людям, что их заставляли переплачивать на табаке, что их хотели подвести под наказание как бунтовщиков — это все ничего!..

Такие—то свойства гласнолюбия, правдивости и гуманности выказываются в письме г. Кокорева даже при беглом его рассмотрении. Но оно получает еще новую цену, по сравнению с известиями, сообщенными впоследствии самим г. Кокоревым в «Русском вестнике» и г. Ал. Козловым на днях в «Северной пчеле» (№ 102, 6 мая).

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляет панегирик подрядчику Гладину, и по ее данным он выходит из всего прав, чуть не свят, к вящему, разумеется, обвинению г. Кокорева. В подобных делах, где гласность попадает в такие руки, как у г. Кокорева с братиею, где и медведь ревет, и корова ревет, — рассудить между двумя почтенными лицами бывает, разумеется, трудно. Но мы должны сказать, что статья

г. Козлова не имеет прочного значения до тех пор, пока мы не знаем, кто такой этот господин. Из статьи его не видно, участник ли он в работах по железной дороге, чиновник ли самарский, производивший следствие о мнимом бунте рабочих, приказчик ли, сопровождавший баржи (последнее имеет некоторую вероятность, как сейчас увидим), или просто приятель г. Гладина, как можно думать по двум–трем местам статьи. Нам очень прискорбна эта неопределенность, потому что из-за нее мы не можем давать твердой веры фактам, сообщаемым в статье г. Козлова. Впрочем, надеюсь, что он примет на себя ответственность за сообщенные им сведения, мы введем в свой рассказ те данные, которые положительно им утверждаются как свидетелем и самовидцем.

По словам г. Козлова, г. Гладин, обязавшись поставить 2000 рабочих обществу, вовсе не обязан был принимать на себя их доставление на место. Подрядчик всегда обязывается нанять рабочих и производить им жалованье и харчевое содержание со дня поступления их на работу; более ему ни до чего дела нет. Но Гладин, «имея в виду скорейший успех работ и желая в то же время сделать доброе дело, решился доставить рабочих с назначенного сборного пункта к месту работ в Царицын — *на свой счет*». По расчету, это должно было стоить Гладину всего-навсего около 30 рублей на человека, т. е. на 2 000 рабочих до 60 000 р. с. Не зная, в какой степени верить г. Козлову, мы не можем решить, как велико тут было действительное великодушие г. Гладина; но основание факта мы готовы допустить: г. Гладин действительно мог хлопотать о скорейшей отправке рабочих и даже для этого жертвовать деньгами, если он знал, как тяжело в волжских степях работать в летние жары и как неизбежны там побеги рабочих в то время, как наступит уборка полей. Он

хотел, конечно, выиграть удобство и время для работ и для того пораньше доставить людей на место. Но тут опять является на сцену г. Кокорев.

124

По некоторым известиям, г. Кокорев состоит в довольно близких отношениях к обществу «Кавказ и Меркурий». Поэтому неудивительно, если произошел факт, о котором г. Козлов рассказывает следующее:

«В. А. Кокорев, прослышав о бескорыстном намерении Гладина принять на свой счет отправку рабочих, явился к нему и с задушевною улыбкою любезно предложил на этот счет услуги общества «Кавказ и Меркурий», выгоды которого были очень близки к левой стороне его филантропии. Вследствие этого было заключено условие, которым общество «Кавказ и Меркурий» обязалось пред Гладиным принять его рабочих на три баржи 15 апреля и доставить их на место, т. е. в Царицын, в течение семи дней, к 23 апреля за 7000 р. с.»

Выходит, стало быть, что г. Кокорев не только устроил подряд с Гладиным, но даже сам предложил и способ отправления. Тем более должен он был следить за дальнейшим ходом дела, тем заботливее должен был упражнять в этом случае свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокорев, заключивши условие с Гладиным и доставив обществу «Кавказ и Меркурий» 7 000 р. доходу с перевозки, считал свое дело поконченным. Вышло не совсем так.

На семь дней пути Гладин заготовил, по словам г. Козлова, на каждого человека по 1 пуду ржаного и $\frac{1}{2}$ пуда белого хлеба — пропорция более нежели

достаточная даже для 14 дней. Но он не рассчитал на удивительную распорядительность и аккуратность правления общества «Кавказ и Меркурий», недавно в таких ярких чертах изображенного г. Севастьяновым («СПб. ведомости», № 53), и в особенности на оригинальную деятельность г. Брылкина, управляющего нижегородскою конторою общества. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по известию самого г. Кокорева («Рус. вест.», стр. 49), г. Брылкин продержал в Балахне рабочих десять (а по уверению г. Козлова — 12) дней, не имея в готовности баржей, которые *должны были быть по контракту у берега*. В это время весь хлеб — то заготовленный и съели. Затем, по мнению г. Кокорева, нужно было посылать вперед хлебопеков и кашеваров на места привала, и вся беда произошла оттого, что такого распоряжения не было сделано. Но г. Козлов справедливо возражает, что при запасе хлеба на весь путь о хлебопеках и думать было нечего, потому что хлеб заготовлен был печеный. Хоть это тоже невеселое кушанье — хлеб, заготовленный на семь дней, в теплую весну, в низовьях Волги, — но по крайней мере все-таки хлеба *достало бы*, если бы не оригинальное поведение г. Брылкина. И по всей вероятности, рабочие не стали бы даже претендовать на *черствость* хлеба, которая так возмущает г. Кокорева: им ведь это не в диковинку. Но им задано было испытание еще получше: перспектива остаться вовсе без хлеба... Тогда-то они и возроптали. Еще в Козьмодемьянске запас весь истощился и, по словам г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: «приваливают, идут за печеным хлебом на базар и находят там только пять пудов». К счастью, г. Брылкин распорядился заготовить здесь 700 пудов печеного хлеба, с которыми рабочие и плыли до Самары.

В. А. Кокорев замечает, что «Николай Александрович Брылкин сделал как бы в покрытие вины своей перед Гладиным». Но г. Козлов находит здесь повод для следующих острот: «Брылкин, говорит он, заботился о заготовке

125

хлеба в Козьмодемьянске, рассчитывая на то, что при таком излишнем простом людей Гладину хлеб понадобится, и его можно будет спустить с хорошей выгодой. Где же тут покрытие вины, Василий Александрович? Вот если бы вы купили этот хлеб на свой счет, да роздали рабочим, это было бы другое дело, а так как за хлеб этот получена с Гладина приличная сумма денег, то вся эта операция не на *покрытие вины*, а на что-то более *винное* смахивает.» Несмотря на плоскость этого каламбура, разъяснение того, как г. Брылкин покрывал свою вину пред г. Гладиным, — очень любопытно.

До Самары плыли рабочие с хлебом. В Самаре нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточного количества хлеба. Это и было поводом к «возмущению» рабочих. Вот что рассказывает об этом г. Кокорев: («Рус. вестн.», стр. 49).

«По прибытии в Самару приказчик подрядчика Гладина нашел на рынке только сто пудов печеного хлеба и, закупив его, хотел с ним отваливать, *ибо пароход не мог стоять и ждать, пока самарский рынок запасется новым печеным хлебом.* Тут рабочие не позволили сняться с якоря, видя, что сто пудов хлеба, т. е. 4 000 фунтов, составляет на 2 000 человек по 2 фунта

на каждого, а плыть с этим запасом до Саратова надо четыре дня».

Так вот до какой крайности доведены были рабочие, вот отчего наконец выказали они *неповиновение*, ужаснувшее приказчика Гладина. Им предстояло питаться двумя фунтами хлеба четверы сутки, а по предшествующему плаванию они знали, что к хлебу им ничего не дастся. После этого с каким умилением должны мы повторять возгласы г. Кокорева о мясе и каше...

И, несмотря на все вытерпенное в пути, рабочие поплыли от Самары с недостаточным количеством хлеба. Приближаясь к Саратову они, по словам г. Кокорева, «питались жеванием сухой крупы!!» «Таким образом, — приведем здесь слова статейки г. Альбицкого об этом же предмете («Сев. пч.», № 50), — на водах Волги, в виду огромных пространств, засеянных хлебом, в виду многолюдных городов и знаменитых хлебных пристаней две тысячи народа, по человеколюбию и заботливости общества Волжско-донской дороги, испытали такие бедствия, какие, по благодати божией, редко приходится испытывать и мореходцам на безбрежном океане».

Печатаая в ноябре об апрельском происшествии, г. Кокорев говорил о фактах несколько откровеннее, чем в мае. Но оказывается, что он мог бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что поверку дела производить трудно, он мог бы *все отвергнуть*, как сделал другой поборник гласности, противник г. Кокорева, г. Ал. Козлов. Этот почтенный защитник — не только Гладина, но и всех его приказчиков, уверяет теперь — через год после события, что все известие «Самарских ведомостей» вздор, что и сами признания Кокорева — произведения его собственной фантазии. По

уверению г. Козлова, «вся причина жалоб рабочих заключалась именно в том, что их с 25–50 рублевыми задатками слишком уже тянуло к родному *ельничку–березничку*», куда их приказчики не пускали. Мнение свое г. Козлов доказывает довольно оригинально. Он употребляет такой силлогизм: если бы рабочих кормили гнилым хлебом, то оказался бы на баржах запас такого хлеба; а между тем при осмотре барж найдены только остатки черного хлеба с плесенью в руках рабочих, в запасе же гнилого хлеба не найдено, а

126

найден свежий. «Как же это так?» — победоносно восклицает он и переходит к приведенному выше объяснению. Как видите, ни внимательностью, ни логикой г. Козлов не может похвалиться. Он не обратил ни малейшего внимания на то, что в Самаре закуплен был хлеб именно потому, что прежний весь вышел и что уже после этого, узнав о недостаточном количестве закупленных припасов, рабочие подняли ропот, объясненный приказчиками как бунт. Так где же могли найтись запасы гнилого–то хлеба и каким образом г. Козлов не понимает, откуда взялся в запасе свежий хлеб, когда у рабочих в руках был гнилой? Хороший адвокат и следователь г. Ал. Козлов, нечего сказать... Далее, в оправдание Гладина и его приказчиков он объявляет, что «жевание крупы» выдуманно фантазией В. А. Кокорева, ибо во все время плаванья барж с рабочими до Саратова на них «какой бы то ни было крупы ни зерна не имелось». Итак — и крупы не было: даже и жалкий суррогат пищи, представленный г. Кокоревым, исчезает в *оправданиях* г. Козлова.

Как, однако же, легко через год отречься от факта, пользуясь тем, что он не во всех подробностях засвидетельствован был формальным порядком! Жаль, что г. Кокорев поторопился с своей гласностью. Впрочем, кто же ему помешает и теперь сказать, что по тщательном исследовании дела оказалось все дело пухом, выдумкой пьяных мужиков...? И, право, это не будет ни лучше, ни хуже того, что говорил г. Кокорев в порыве негодованья о мясе, о каше, о черством хлебе. Результаты решительно одни и те же. Жаль только, что г. Кокорев так натужится, чтобы всем доказать, какой он любитель гласности и русского человека.

А натуги, действительно, немалые! В письме, приведенном выше, г. Кокорев старается, между прочим, уверить всю Россию, что он поручил подряд г. Гладину, даже в ущерб выгодам общества, единственно потому, что знал его хорошее обращение с рабочими и общую любовь их к нему. Между тем в своих «Вестях», напечатанных в «Русском вестнике» (стр. 61—62), он приводит такие слова г. Гладина, из которых видно совершенно противное. По уверению г. Кокорева, г. Гладин решительно не понимает, как можно даже толковать о неудобстве помещения рабочих на Волжско—донской дороге. Он, по уверению г. Кокорева, говорил вот что: «Да у меня на Борисовской дороге 15 000 рабочих: подите—ко посмотрите, как они живут в землянках—то осенью, по колено в грязи. Да вот я работал шоссе около Бреста, так выпало такое неудачное место, что из 700 рабочих половина померла. Нет, уж тут ничего не сделаешь, коли начнут умирать; а коли не начнут — все хорошо: у меня в Варшаве ноне все здоровы. А вот как пошли по дороге из Питера в Москву, что, чай, более шести тысяч зарыли».

Положим, что ничего этого г. Гладин и не говорил г. Кокореву, как уверяет г. Козлов («Сев. пч.», № 102); положим, что он даже никогда и не работал на шоссе около Бреста. Но все равно — ведь г. Кокорев влагает такие слова в уста г. Гладина: значит, у него составилось о Гладине именно такое понятие, какое выражается в этих словах. А иметь такое понятие о человеке и считать его очень заботливым и добрым для рабочих подрядчиком — это уж такая наивность, которую подозревать в В. А. Кокореве мы даже не имеем права. Чем же мог так понравиться г. Гладин г. Кокореву? Неужели тем, что «рабочие отзываются о Гладине как о человеке хорошем, только

127

приказчиками его недовольны и так мало верят им, что боятся даже за свой расчет»? Ведь это значит, что Гладин просто злодей и губитель своих рабочих: самому ему все равно — мрут люди, так мрут, так видно, надобно; здоровы, так ладно, — место, видно, хорошее... А приказчики у него постоянно такие, что от них житья нет: гнилым хлебом кормят, в бунте обвиняют, расчет задерживают, ставят на работах козаков... Это все к Гладину не относится: он человек добрый, и г. Кокорев нарочно хлопочет, чтобы подряд остался именно за ним... Чем объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тем, что в его положении очень выгодно защищать всякого главного распорядителя, сваливая всю вину на подчиненных? В свою очередь, и г. Кокорев должен быть так же точно оправдан и восхвален, несмотря на все вопиющие ужасы, которые совершаются в подведомых ему делах... Ведь не он сам

делает все эти ужасы; он, напротив, человек добрый — хлопочет о мясе для рабочих, а не только о хлебе: он даже и популярность между ними приобретает, ибо раздает им полушубки, взятые из кладовых Гладина же («Сев. пч.», № 102). А в какой степени зависят от него все беспорядки, притеснения и мерзости, совершаемые другими в его ведении и в его интересах, до этого кто же станет добираться...

Но великодушию г. Кокорева нет никаких пределов, а самобичевание посредством гласности сделалось у него чем-то вроде хронической болезни³⁰. Бывают, говорят, организмы, чувствующие особенный, страстный трепет от удара плетью или розгами; такой же сладкий трепет и возбуждение ощущает, по-видимому, г. Кокорев от оглашения какого-нибудь из своих недостойных поступков. Так и в настоящем случае: доказав очень ясно, почему и для чего выбрал он Гладина и почему на него положился, он вдруг переходит к самообличению в таком тоне:

«В непредусмотрительной перевозке рабочих нельзя по совести обвинять подрядчика Гладина: он руководствуется прежним образом действий и не может иметь понятия о *требованиях новых* (т. е. кормить рабочих не гнилым хлебом, это *новое* требование!!), за исполнение которых должно отвечать правление, — *и я, разумеется, разделяю вину с прочими как учредитель. Мы считаем себя умнее, образованнее подрядчиков (вольно же вам!), следовательно, мы и должны были подумать, как бы перевезти рабочих без всяких затруднений*».

Видите, какое смирение, какая готовность обвинить себя! Конечно, говорит, это собственно не наше дело; но мы так умны, так проникнуты новыми требованиями, что должны бы взять на себя труд наблюдать за

действиями *меньших братьев* (т. е. подрядчиков), которым недоступны новые требования. Мы этого не сделали и мы — виноваты; казните нас — за то, что мы умнее других...

Так говорит г. Кокорев; но чтобы вы в самом деле не подумали, что он виноват, он сейчас находит другую, весьма уважительную причину, от которой произошли все бедствия рабочих и которая от него уже решительно не зависит. Вот эта причина:

«Затем многие неудобства надобно отнести к неимению на Волге телеграфа, при котором всегда бы можно было телеграфировать о заготовлении не только печеного хлеба, но и мяса».

128

Причина эта никому не приходила в голову, но для г. Кокорева она служит полнейшим оправданием. Как человек европейский, привыкший к *новым требованиям*, он воображал, разумеется, что на Волге есть телеграф, по которому если нельзя пересылать хлеба, то можно по крайней мере «телеграфировать о заготовлении *не только печеного хлеба, но и мяса*». В этой сладкой уверенности, он и не подумал обратить свою заботу на заготовление — *не только мяса, но и печеного хлеба*. Как же вы хотите иначе? Передовой человек, он не может никак свыкнуться с невежеством и грубостью наших нравов. Телеграфов нет! Фи! Да как же после этого удивляться, что люди сидят без хлеба, хворают оттого и мрут в несоразмерном количестве! О невежественные россияне! Заведите прежде телеграфы по Волге и тогда уже претендуйте на свежий хлеб, на соль и постное масло!..

Впрочем, справедливость требует заметить, что г. Кокорев как друг профессора Погодина и здесь не изменяет высокому чувству патриотизма: он понимает, очевидно, не иностранные телеграфы, а российские, которыми известия передаются известно с какою скоростью. Что именно о таких телеграфах хлопочет г. Кокорев, это видно из соображения быстроты собственных его действий. Письмо о самарском происшествии и о приказчиках Гладина писано им 30 мая; а затем подробнейшее исследование дела было им произведено только в половине июля — через полтора месяца, когда он сам приехал в Царицын. При этом оказалось, что положение рабочих вполне плохо; значит, для них ничего не было сделано ни обществом, ни г. Кокоревым с тех пор, как благодетельная гласность обнаружила их положение. Да и что же было еще делать? Написали в газетах гуманное послание с азартом, с новыми требованиями... Чего же еще? Дело — то делать? — это еще погодите, это впереди. А нынче —

Нынче время не такое:
Процветает гласность³¹.

Голодали рабочие дорогой: через месяц это было любопытным предметом для гласности. Хворали и мерли люди на работах все лето: в конце июля г. Кокорев сочинил «Царицынские записки», а в ноябре напечатал всю историю своей поездки в «Русском вестнике», этом знаменитом поборнике гласности. И прекрасно: мы очень довольны!..

А что нашел г. Кокорев на работах и что он сделал там? Хотите знать, так мы расскажем и это, только вкратце, потому что не след вводить в «Свисток» такую материю во всей ее полноте.

По прибытии в Царицын рабочие опять голодали, потому что «скудный царицынский рынок не мог удовлетворить спросу». Для рабочих буквально *ничего* не было заготовлено, и даже главная царицынская контора с управляющим своим г. Позенковским прибыла в Царицын *через три недели после рабочих*. Все это время рабочие должны были обходиться собственными средствами — сами устраивали себе балаганы, кухни, кладовые для провизии. Тут же и начались болезни. Царицынская контора принялась писать в контору подрядчика разные предписания об устройстве лазаретов и пр., но сама ничего не делала и только, по прекрасному выражению г. Кокорева, «насмехались над священными обязанностями человеколюбия, которые в этом случае совпадают с выгодами общества». Действительно, выгоды общества

129

соблюдались бы тут лучше, если бы рабочих не так пренебрегли; а то, по свидетельству г. Кокорева, в первый же день по прибытии на место у Гладина ушло 300 человек! Господин Кокорев, разумеется, негодует за это на рабочих и приписывает их бегство желанию зажить полученный задаток и получить хорошие заработки у донцов на сенокосе. Но нетрудно сообразить, какую роль играло в этом случае положение рабочих по прибытии в Царицын после питания жеванием крупы...

Наконец, по словам г. Кокорева, рабочие устроились. Вот некоторые указания на то положение, в каком находились они около половины июля, когда посетил их гласнолюбивый и гуманноречивый почетный член правления:

«Рабочие живут в выкопанных в земле ямах; в ямах этих устроены по обеим сторонам нары, и на них нет ни соломы, ни рогожек, под боком доска, в голове кулак» (стр. 50).

«Шалаши сделаны с такою же небрежностью, низки, тесны и без отверстий для воздуха. Шалашей сделано мало: по 20 человек лежит в каждом из них, а когда число заболевших возрастает и привозят новых людей, им приходится лежать на земле и ждать, пока не состроят нового помещения, а в таком случае постройка идет скорая и кое-как. Нет соломы, нет рогож и войлоков, чтобы смягчить для больного ложе. Некоторые лежат на мешках с сеном, а больше на своих же шубах» (стр. 51—52).

«Распорядители нашли нужным расставить военных козачков по всем пунктам пребывания рабочих, и даже около лазарета стоят два казака с саблями и нагайками» (стр. 53).

«Конопляное масло во многих местах горькое. Бойня для скота одна; с нее приходится возить мясо за 25 верст, отчего оно при здешних жарах может подвергнуться порче. На 59 версте, где находится 300 человек рабочих, оказалась овсяная крупа дурной выделки: в ней много овса. На 48 версте мы нашли очень дурной горох, черный, неразварившийся и жидкий» (стр. 55).

«Больных возят на одной телеге четверых, по пыльной, знойной степи, за 25 верст. Лазарет — просто собачьи конуры» (стр. 56).

Такие сведения дает сам г. Кокорев, а мы уже видели, как в его устах самые страшные вещи смягчаются, когда он этого хочет. Впрочем, в настоящем случае он, может быть, и не смягчал ничего, потому что вслед за указанием зла он везде предписывает и лекарство.

Правда, он сам справедливо замечает, что все это «прилично было бы говорить в феврале, а не в июле» (стр. 57); но, с другой стороны, отчего же и в июле не поговорить? Это избавит нас от обязанности говорить о том же в следующем феврале. Февраль мы промолчим, а там в июне, июле или августе опять примемся, с припевом: еще в июле прошлого года говорил я...

Есть, правда, и маленькие недоразумения в «Записках» В. А. Кокорева. Например он уверяет, что прежде у рабочих солонина была не всегда свежая, а с Петрова дня солонину заменили свежим мясом. При этом г. Кокорев благодарит «Саратовские ведомости», обнаружившие гнилую солонину: «здесь опять видна польза гласности», опять прибавляет он, как школьный учитель, задолбивший один афоризм и беспрестанно, кстати или некстати,

130

огорошивающий им своих питомцев. Мы, разумеется, приходим в восторг от твердости г. Кокорева в своем принципе; но вдруг находятя люди, утверждающие, что здесь у г. Кокорева гласность является с своим особым способом выражения, точно так, как и в рассказе о не совсем мягком хлебе. Так г. Альбицкий в «Северной пчеле» (№ 50) сильно преследует г. Кокорева и на солонине, и на гласности, и на мясе. Мы приводим его соображения, так как они довольно остроумны.

««В Саратовских ведомостях», — говорит г. Альбицкий, — было сказано, что рабочие бедствуют, что их кормят протухлою говядиной, из которой вываливаются черви». Статья эта не перешла почему-то в столичные газеты, а губернские ведомости кто же

читает? Вот и ловко было Василию Александровичу, говоря, что «введением свежего мяса рабочие немало обязаны *«Саратовским ведомостям»*, и возлагая на общее собрание акционеров обязанность благодарить редакцию этой газеты за обнаружение невнимания к рабочим, — сказать публично неправду. «Саратовские ведомости» говорили, что рабочие едят *протухлую говядину с червями*, а Василий Александрович сказал, что рабочих кормили *«солониной, которая была не всегда свежая, а каша была из пшена, которую по непривычке (?) вовсе не ели»*. Что же они ели? На 51-й странице статьи своей он замечает, что *«главная причина развития хворости и трудного излечения больных — вода»*. Не черви ли с говядиной да не каша ли из такого пшена сваренная, что и умирающий от голода ее есть не в состоянии?

Впрочем, вот как объясняют разногласие Василия Александровича с «Саратовскими ведомостями».

Василий Александрович говорил, что рабочих в мясоед от Пасхи до Петрова поста кормили *солониной, которая по отзыву их была не всегда свежая*, а каша была из пшена, которую по непривычке вовсе не ели.

Но «Саратовские ведомости» говорят об июльском мясоеде, продолжающемся от Петрова дня до первого Спаса.

На этот мясоед Василий Александрович пшеничную кашу заменил гречневой, а гнилую солонину *свежим (?) мясом* (стр. 51).

Это—то самое свежее мясо и *было с червями*, как говорят «Саратовские ведомости», редакцию которых верный и неизменный поборник гласности, Василий Александрович, счел долгом благодарить за такое правдивое извещение.

Следовательно, разногласия Василия Александровича с «Саратовскими ведомостями» нет. Ясно, что он распорядился *заменить для рабочих гнилую солонину протухшим мясом с червями.*

В 9-м параграфе «Памятной записки», данной г. Кокоревым г. Головкину и напечатанной в «Русском вестнике», происхождение червей объясняется весьма естественно: «Бойня для скота одна, — говорит Василий Александрович. — С нее приходится возить мясо за двадцать пять верст, отчего оно при здешних жарах может подвергаться порче. Мясо (приказывает он) развозить, покрывши». Везти мясо *более чем* двадцать пять верст надо целый день, ведь не на почтовых же его возили. При царицынских жарах было бы неестественно, если б не завелись черви в говядине, остающейся целый день на солнце непокрытой и обклеенной мириадами мух.

131

Впрочем, и больных рабочих по четверо в одной телеге, не защищенных ничем от страшного солнечного припека, там тоже возят за двадцать пять верст. (§ 15-й «Памятной записки»).

Так зачем же было говорить: «теперь солонина заменилась *свежим* мясом, которое получается с бойни скота, особо устроенной *посреди линии?*»

И зачем это сокращать расстояние провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на середине линии. От бойни в один конец везут говядину за двадцать пять верст. Следовательно, оба края линии друг от друга за *пятьдесят верст.* А в 10-м § «Памятной записки» вы говорите, что на *пятьдесят девятой* версте, где было

300 рабочих, вы нашли дурную крупу. Стало быть непокрытую говядину везли не за двадцать пять, а за тридцать верст, да может быть и больше».

Из замечаний г. Альбицкого вытекает весьма естественное заключение, что деятельность г. Кокорева на работах Волжско–донской дороги была не так благотворна, как он сам желает это представить. По крайней мере насчет мяса почтенный сотрудник «Русского вестника» расписался так же неудачно, как и насчет мягкого хлеба в Самаре. Но все это ничего не значит в сравнении с *винной порцией*, изобретенной г. Кокоревым для процветания здоровья рабочих. Вот где геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и общества Волжско–донской дороги, — кого именно, разобрать, впрочем, нельзя. Дело, видите, в чем. Г. Кокорев, описывая разные улучшения, сделанные им и г. Мельниковым, упоминает о приглашении *содержателя трактира Добровольского для доставления больным чаю два раза в день* (зачем тут *содержатель трактира* — тоже мудрено понять), и потом говорит: «Затем *общество распорядилось* выдавать всем рабочим на линии по чарке водки каждодневно, перед ужином». Тотчас нашлись зложелатели, которые начали уже уверять, что эта *винная порция* назначена собственно в пользу Царицынского откупа, содержимого самим же г. Кокоревым. («Сев. пч.», №№ 50, 102). Этому бы и можно поверить, если бы мы не знали великодушия г. Кокорева; но благодаря благодетельной гласности мы очень хорошо знаем этого великого русского мужа. В настоящем случае дело имеет даже весьма трогательный вид: г. Кокорев, владелец одной трети акции общества, спорит с двумя другими о великодушии. В статье, напечатанной 28 ноября, он говорит: «*Общество*

распорядилось выдавать по винной порции», а в «Обзоре действий», вышедшем в то же самое время, правление общества говорит: «Для поддержания сил рабочих, по совету медиков, В. А. Кокорев назначил на свой счет ежедневные выдачи винных порций людям, работавшим в пределах Царицынского уезда, а правлением сделано такое же распоряжение относительно прочих землекопов, работавших в земле Войска Донского». Не умилительно ли? Г. Кокорев говорит, что общество покупает водку для рабочих, и другие тоже подтверждают, а правление скромно отклоняет от себя такое великодушие и прославляет г. Кокорева, дающего людям водку на свой счет!.. Как любопытно было бы узнать, кто кого победит в великодушии, т. е. кто заплатит за водку?..

Впрочем, один ли был великодушнее другого, или другой великодушнее первого, не в этом дело, а в том, какие последствия развились от винной порции. В половине июля, до назначения чарки, больных, по словам самого

132

г. Кокорева, было 140, да умерших 40. После того число больных стало быстро возрастать и доходило, по словам г. Козлова, до 600 человек — цифра 2 000 человек в самом деле ужасающая! Г. Козлов делает при этом такое замечание: «Давать винную порцию рабочим при 15°—20° мороза — вещь полезная; но полезно ли делать то же самое при 45° жару, — предоставляем решить врачам».

Да ведь винная порция и прописана была г. Кокоревым «по советам медиков»? Да, может быть: но тут опять идет своего рода история. Лекарь Шерганд

оказывается каким-то фаворитом г. Кокорева. По уверениям г. Козлова, *сам г. Кокорев* заменил врача, определенного обществом (за 3 000 руб. сер. в год), другим врачом, более дешевым (1 200 руб. сер.), а главное — ему одному известным, г. Шергандом. Несмотря на свою дешевизну врач этот, по мнению г. Кокорева, был превосходен и, как видно из Записки, «вполне соглашался» с мерами, предлагавшимися г. Кокоревым. С своей стороны, и г. Кокорев заботился о нем и требовал от приказчика Гладина, чтобы он «дал доктору Шерганду в его распоряжение пару хороших лошадей с легким тарантасом и кучером». Зато и деятельность доктора была неумолима: подумайте в самом деле — взять на себя 600 пациентов, растянутых на шестидесятиверстной линии! Это стоит чего-нибудь! Г. Козлов выражает мнение, что доктор Шерганд, видя такое странное развитие болезней, должен был непременно и *официально* пригласить на линию, для консилиума, других врачей. Но зачем же это, когда г. Шерганд и один справлялся? Да притом еще нужно заметить, что совсем больных и слабых часто отпускали с работ домой. Так, даже в «Памятной записке» г. Кокорева приказчику Гладина сказано, что следует отпустить домой *в Тверскую губернию* пятерых рабочих: трех стариков, одного слабого ногами и одного переломившего себе спинную кость... При таком заведении, под покровительством гуманного гласнолюбца — отчего не лечить всех одному? Умрут бедняки, не велика беда. Ежели и узнают-то об этом родные умершего, так и то лишь по милости г. Кокорева, который в § 19 своей памятки чужому приказчику набожно заповедует: «Об умирающих надобно извещать их семейства, посылая письма в деревни, дабы там поминали их по долгу

христианскому». Вот до чего доходит любовь г. Кокорева «к простому, сероодетому русскому человеку» («Рус. вест.», стр. 61).

Что же, однако, сделал г. Кокорев для упрочения благосостояния рабочих? Какой результат можно вывести из всех «Царицынских записок» и «Вестей»? Это уже сделано весьма добросовестно в статье г. Альбицкого, из которой мы и берем оконченные выводы.

«Для устранения зла Василий Александрович сделал следующее:

А. Относительно больных.

- 1) Учредил от общества чай по два раза в день.
- 2) Больных тифом отделил от других.
- 3) Старался удалить двух козаков, приставленных с саблями и нагайками к лазарету («Рус. вестн.», 1859 г., № 21, стр. 53), но не был в состоянии устранить такой новый метод лечения. Этот метод, по всей вероятности, принадлежит тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василий Александрович говорит, что он по контракту обязался содержать лазареты.

133

4) По причине недостатка одного лазарета устроил другой.

5) Так как больные валялись на земле, даже не на соломе и не на рогожке, распорядился купить рогожки и наделать больше шалашей с койками для больных, так как заготовленных лазаретом шалашей оказалось весьма недостаточно, вероятно по причине той развившейся хворости, о которой Василий Александрович говорит в другом месте.

Б. Относительно здоровых.

1) Приказал варить протухлую говядину с червями вместо гнилой солонины.

2) Заменял пшеничную кашу, которой рабочие не ели, гречневою, которую, однако, заменяли в иных местах дурным черным не разваривающимся горохом и крупой с неободраным овсом.

3) Назначил *на счет общества* винную порцию по стакану перед ужином. Водку берут из кабаков царицынского откупа, содержимого Василием Александровичем.

4) Написал к г. Головкину, что *надо бы* дать рабочим одежду — ведь они пойдут домой осенью и доберутся до домов 10-го декабря, а у них нет *ни одежды, ни обуви*. Исполнил ли это нежно любимый рабочими г. Гладин — неизвестно.

5) Написал к г. Головкину, что на зиму *остается 500 рабочих в степи, без зимних квартир, на морозе* и что поэтому надо подумать о квартирах. Думал ли г. Головкин — неизвестно.

6) Но если они перемрут, то непременно *известить о том их семейства, посылая письма в деревни, дабы поминали их по долгу христианскому*.

7) Купил в Одессе шесть колоколов для рабочих.

8) Отпустил домой в Тверскую губернию двух рабочих *по старости, одного по преклонной старости, одного по слабости ног* и одного *переломившего спинную кость (!!!)*. — На которой станции от Царицына они умерли — нам неизвестно.

9) Учредил особую должность смотрителя за лазаретами и за *сбережением силы рабочих*».

Прибавим к этому, что относительно одежды, обуви и зимних квартир рабочим так и до сих пор ничего

неизвестно. Благодетельная гласность умаялась предшествовавшими похождениями и теперь молчит.

Не молчат только «Саратовские губернские ведомости». Они еще в феврале делали новое извещение о побегах с работ Волжско–донской дороги, и притом в такое время, когда вовсе нет соблазнительных заработков в лугах у донцов. В числе бежавших были преклонные старики: отчего бы, кажется, этим–то бежать? Им только нужно беречь свои силы; а г. Кокорев на царицынских работах сочинил даже особую должность «смотрителя за сбережением силы рабочих» и определил в эту должность некоего г. Милашевича, замечательного тем, что «из длинного ряда его писем к г. Кокореву можно ознакомиться со всеми затруднениями, представляющимися при исполнении предприятий в отдаленных местностях». Как видно, и этот господин служит тоже спасительной гласности, и мы скоро, может быть, будем иметь удовольствие читать его письма в «Русском вестнике», рядом с письмами г. Матиля об Америке и статьями г. Фердинанда Кона о розах³².

А в чем же состоят затруднения? Г. Кокорев этого не объясняет; но дело говорит само за себя: как же, помилуйте! — во–первых, телеграфов нет; во–вторых, г. Брылкин, вместе с «Кавказом и Меркурием», ставит ни во что заключенные контракты; в–третьих, мяса, мяса вареного, мяса не дают рабочим; в–четвертых, козаки с нагайками присутствуют на работах, в–пятых, вода, в–шестых... да уж что и говорить в шестых? Одна вода чего стоит!.. По мнению г. Кокорева, по мнению

«самого» доктора (Шерганда?), главная причина развития хворости и трудного излечения больных (по царицынским работам) *вода и непременно вода...* Г. Козлов сострил по этому поводу, что для устранения губительности воды надо вставить в нее первую букву фамилии г. Кокорева. Но г. Кокорев не на шутку так поступил с водою и рабочими, — только результаты были плохие.

А кроме того, какое затруднение для благотворных предприятий г. Кокорева представляет неразвитость и апатия окружающей среды! «Сами рабочие не понимают своей пользы, — говорит г. Кокорев, — подрядчики соблюдают свои выгоды, а инженеры считают своею обязанностью заботиться только за исполнением работ, сообразно с чертежами. *Здесь возникает вопрос:* виноваты ли инженеры за то, что они не требуют от подрядчика энергически улучшения быта рабочих?» Задавши такой законодательный вопрос, от разрешения которого может зависеть по малой мере увольнение инженера от должности, г. Кокорев меланхолически продолжает: «думаю, что виноваты не они, а система нашего воспитания, внушающая равнодушие к простому русскому человеку; многие у нас считают как бы посторонним то, что должно бы быть близко их сердцу» («Рус. вест.», стр. 52). В другом месте статьи почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что «всему мешает рутинная и недостаток любви к простому, сероодетому русскому человеку» (стр. 61). Да, с последним нельзя не согласиться: история рабочих Волжско—донской дороги доказывает это лучше всех разглагольствий.

А между тем при этом способе ведения дела не угодно ли знать, сколько истрачено денег собственно на административную часть предприятия? 141 000 руб.

сер., то есть десятая часть всех бывших расходов, и в этом числе по управлению собственно работами железной дороги издержано 55 825 р., а кроме того на жалованье директоров и других служащих и т. п. — израсходовано 52 000. И это — не забудьте, в том обществе, один из учредителей которого и владелец целой трети акций постоянно шумит против *форменности* и *бюрократизма* и прославляет *деловое коммерческое* ведение предприятия! Не знаем, хорошая ли это коммерция для г. Кокорева, но для «двигателей всякого устройства», как он выражается, она должна быть не более приятна, как и благодетельная гласность, пользу которой «сразу чувствует» г. Кокорев.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лето... Не узнали мы, что сделано с рабочими осенью и зимой; может, не узнаем ли, что с ними будет в предстоящее лето? Г. Кокорев давно уже не печатал о благодетельной гласности: это добрый знак. Может, так выдастся лето, что г. Кокорев нынче и в Царицын не поедет, и рабочие винной порцией обольщаться не будут, и даже работать станут без козаков с нагайками? Аль где уж?..